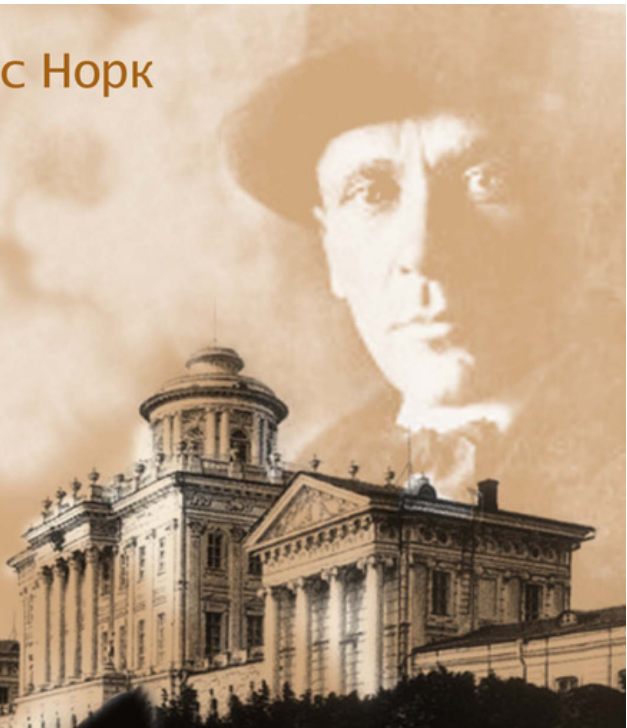

Алекс Норк

МАРГАРИТА

МАРГАРИТА

Алекс Норк Маргарита

*Текст предоставлен правообладателем
Маргарита: Рипол Классик; Москва; 2012
ISBN 978-5-386-03977-6*

Аннотация

Предлагаемую повесть-мениппею – фантастическое сочетание серьезного и смешного – нельзя назвать прямым подражанием известному роману М.А.Булгакова, хотя в ней присутствуют знакомые персонажи. Скорее, это «навеянное» произведение со своими сюжетами и действием в наши дни. Отдельные сходства с некоторыми публичными лицами не имеют здесь большого значения («иных уж нет»), речь идет о новой российской реальности. Время добавляет детали – это отразилось на последней редакции произведения, первый вариант которого был написан в конце 2007 г.

«Маргарита» ранее публиковалась в бумажном издании под псевдонимом «Олег Иванов».

Содержание

Возвращение	5
Того же дня: странная партия	12
День второй: самая богатая в мире	27
День третий: хмурое утро, лед «тронулся»	39
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Алекс Норк

Маргарита

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Возвращение

Сразу за Москва-рекою, начиная от Третьяковской галереи, – вправо, в сторону «якиманок», влево, в сторону «полянок-ордынок», – все на этом огромном пространстве, упирающемся снова в Москва-реку и в Большое Садовое, все здесь памятник. В глубине, в переулках, можно еще обнаружить каменные двухэтажные домики, построенные лет сто тридцать назад для сдачи комнат очень небогатому люду, – с крошечными окнами, темными, похожими на норки подъездами, стенами, иногда потерявшими прямой угол, но крепкими и все же еще надежными. Сколько поколений отпечталось здесь, только в этих простых и непривлекательных на легкомысленный взгляд жилищах?

Разве может быть непривлекательной жизнь человеческая, разве стены, в которых шел ее ход, – не свидетели? Кто-то зря придумал называть их «немыми».

Чувства, ощущаемые человеком, ощущаемые в нем другими людьми, – не такие же ли явления природы, как все прочие? Разве дух человеческий замыкается в нем самом и не стремится наружу? Отчего тогда, как все живое, родившееся, это сразу должно исчезнуть, отчего оно не должно стремиться найти пристанище?

На огромном пространстве Замоскворечья сосредоточено все, что было когда-то в России – церкви всевозможной ар-

хитектуры, купеческие и дворянские дома и особняки, уютные и первые публичные медицинские заведения, и единственное, что достойно поместило себя туда уже в новом времени, – монументальные сталинские строения. Они тоже создавались как памятники истории, а истории всегда сосуществуют друг с другом, у них общий смысл, они не противники.

Не поднимайте, господа, руку на Замоскворечье – этот уникальный памятник Москвы и России, не пакостите его турецкими офисами и бандитскими кабаками.

В доме напротив Третьяковской галереи, построенном уже на закате жизни Вождя народов, в доме с высокими этажами, художественно облицованным фасадом с несколькими по нему торжественно-парадными крыльцами, в одной из громадных квартир, которую занимал когда-то очень немаленький человек той эпохи, праздновалось новоселье.

Праздновалось, вместе с ним, возвращенье на родину одного из светил мировой науки, нобелевского лауреата по медицине, проработавшего около двадцати лет не в России, а в заокеанских лабораториях, – праздновалось возвращение профессора Дениса Денисовича Рождественского.

На званый обед собрались старые друзья и коллеги, постаревшие очень уже. С некоторыми в прошедшие годы случилось пересекаться на международных научных конгрессах, с другими довелось увидеться только сейчас, и такие лица

вместе с теплым отрадным чувством грустно напоминали о времени – бегущем, кажется иногда, уже только ради себя самого.

– Да, любезный Иван Альбертович, время не друг человеку. Время так же пусто, как и пространство. А если говорить проще – ни того, ни другого не существует как таковых.

– Я прекрасно помню все ваши теоретические работы, профессор, ваш закон: мерой событий являются только другие события, а физические единицы измерения отражают лишь нашу способность к отдельным сравнениям.

Теперь, вечером, проводив остальных, можно было побеседовать и с любимым бывшим учеником, перешагнувшим уже сорокалетний рубеж, и самим без пяти минут доктором медицинских наук.

– Там я говорил о биологии, голубчик. Но мне кажется, проблема гораздо шире – мир устроен намного сложнее, чем нам представляется, я не уверен даже, что мы знаем о нем процент или два, и что больше всего обидно – частных законов открыли множество, научились их хорошо применять, однако вот, главное ускользает куда-то.

– Вы говорите о неких фундаментальных законах биологии?

– Не только о биологии, нет. О мироустройстве. С возрастом начинаешь о нем всерьез размышлять. И является мысль – мы вряд ли об этом много узнаем, потому что человек че-

го-то не заслужил.

Хозяин открыл ящичек с теми дорогими кубинскими сигарами, на которые не распространяется никакое эмбарго.

– Прошу вас, голубчик. И не буду больше морочить вам голову своей философией, скажите-ка – как бы вы отнеслись к идее поработать теперь со мной?

– С восторгом, Денис Денисович! Вы хотите взять кафедру или лабораторию в институте?

– Нет. В этой квартире имеется большое специальное помещение для лабораторных экспериментов, и необходимое оборудование из Германии и Швейцарии мне доставят буквально завтра. – Он повысил голос, чтобы было слышно через открытую дверь: – Зиночка, свари нам еще крепкого кофе!

– А о каких исследовательских направлениях вы говорите, профессор? В том же поле – генно-инженерной тематики?

– Не совсем, доктор Борменталь, не совсем. Мы всё крутимся вокруг молчащих генов и не можем их понять, не правда ли? «Некая балансовая составляющая» – говорят одни, «Просто эволюционная случайность» – утверждают другие. Нет-нет, дорогой, природа совершенно не терпит случайного, да и эволюция сама все больше походит на сказку для утешения.

– Для утешения?

– Конечно. Происхождение от животного снимает всяческую ответственность – ну вы посмотрите вокруг. Да к тому

же вам прекрасно известно – биологически ближе к человеку не обезьяна, а свинья, и уверяю, если завтра кто-нибудь выдвинет такую теорию происхождения, она многим понравится.

– М-м, вероятно. Однако вы говорили о молчащих генах. Я правильно догадываюсь, о собственной на их счет гипотезе?

– Правильно, доктор.

Хрупкая миловидная девушка внесла поднос с двумя чашечками, от которых шел чуждый и манящий аромат жарких стран.

– Спасибо, Зина. Как ты находишь моего ученика? Красивый и не женатый. Вы тоже обратите внимание, доктор, какая славная и опять же, в контекст, незамужняя.

Девушка смутилась, щеки ее так стремительно покраснели, как бывает еще у детей.

– Да-с, дорогой мой Иван Альбертович, молчащие гены. Вы не задумывались о том, что мы, люди науки, никогда ничего не придумываем? Мы не придумываем, а открываем. Следовательно, это открываемое существует вне нас. – Профессор предупреждающе поднял руку: – Не отвечайте, мысль, разумеется, тривиальная. Однако тот факт, что мы открываем истинное, означает, что мы действуем истинными методами. – Он поспешил вслед за выпущенной струйкой сигарного дыма: – И это тривиально, согласен. Но вот никто не делает очевидный за этим шаг – методы, как истинное,

стало быть, тоже существуют вне нас.

– Несколько парадоксально, профессор. У вас по-прежнему на все свой особенный угол зрения.

– Так иначе не интересно. Методы, таким образом, мы тоже не придумываем, а открываем. Что в таком случае придумали, как они полагают, наши коллеги в сфере электронной информатики, позвольте спросить?.. Еще добавлю, весь механизм у них построен на электромагнитных основах, таких же точно, на которых работает человеческий мозг.

– Да, и всего животного мира.

– Именно. Пейте кофе, его уже можно пить. Даже в ганглиях таракана имеются вшитые природой распознавательные формы, а в наших нейронах их миллионы.

– Вы хотите сказать – это те же электромагнитные носители?

– Правильно, дорогой Борменталь, но теперь попробуйте сделать обратный ход – уже от техники, от наших методов к самой природе. Маленькая подсказка – что у вас на компьютере, кроме записанных там файлов?

– На моем компьютере кроме записанных файлов?

– Да.

– Там, секунду-секунду... там свободное пространство для новых файлов?

– Bravo, доктор! И мы с вами знаем, что это не просто свободное, а организованное пространство, то есть подготовленное для включения в себя новой информации.

– И молчащие гены являются такими же точно структурами?

– Ну, вы сами ответили, дорогой.

– Право, несколько ошеломляет. Однако цель, профессор, зачем?

– Человек создан по образу и подобию Божьему, так ведь сказано?.. Впрочем, вернемся в научное поле. Наш великий философ Николай Лосский, вынужденный, в отличие от меня, эмигрант...

– На том самом в 22-м году корабле?

– Да, с Бердяевым и прочей компанией. Лосский говорил: «Мир имманентен человеческому сознанию». И не просто говорил – доказывал это в своих знаменитых работах. Извините меня за вульгарность, коллега, организм – это суперкомпьютер, на котором можно все записать. Зачем, вы спросили? Для преобразования человека. – Он снова повысил голос: – Зиночка, найди там у меня в фонотеке Скрябина! Или нет, поставь нам с Иваном Альбертовичем скрипичный концерт Сен-Санса.

Того же дня: странная партия

Новое место куда как спокойнее, хотя Министерство юстиции, конечно, «отстой».

Оно, с одной стороны, нелестно, но с другой – гарантия на несколько лет. Отсюда скоро не попросят, кресло это на хрен никому не требуется, разве что дурак молодой найдется из родной партии власти. Однако навряд ли, там они больше имеют.

Покой. Никаких срочных дел. Вот на совещании утреннем с руководителями департаментов говорили о чем-то, а о чем – сейчас уже и нет в голове. Делают, ну и пусть себе делают.

От Кремля почти нет беспокойства.

Вот только подумал, и чтоб тебя!

– Аллю?

Да к тому же еще Бурков – это надо так сглазить.

– Тоже рад слышать... В трудах, а как же...

Про какую это партию он спрашивает?

– То есть, ну да. Странное, да, название.

Блин, почему-то нет в памяти, как она прошла регистрацию.

– А я как раз на утреннем заседании дал указание просмотреть еще раз их документы, мне через пару часов доложат... Да, сразу и позвоню.

Что за ёж твою двадцать – хоть убей, он не помнит.

Сразу выяснилось, вдобавок, референт, по этим делам, обедает. Он, министр, еще не обедает, а подчиненные лопают. А потом еще полдничать пойдут часа через три.

И поди ты, при таком питании ходят некоторые – даже худые.

Вот куда у одних уходит, и откуда у других берется? Ограничивает он себя второй год добросовестно, а с весом этим никак дело не движется. И врачи говорят – сосуды, давление... голова, конечно, в смысле будущего склероза.

Или – мысль неприятная прикоснулась – склероз уже есть?

Партия эта, Бурков говорит – прошла у них на днях регистрацию.

Может, путает?

Министр не то чтоб разволновался, но дискомфортность почувствовал, и для успокоения решил прогуляться по кабинету.

Прошелся туда-сюда несколько раз и посмотрел в окно.

Еще прошелся.

Почувствовал совсем ясно, что сам уже хочет есть.

И только сейчас понял, что не продумал вопрос, который задаст референту. Нельзя же в лоб спрашивать о том, чего он не знать не может.

Так-так, работает голова – есть правильное и простое решение.

А вот и запыхавшийся референт.

– Вызывали, Николай Иванович?

– Тут мелочь одна. Бурков насчет партии интересуется, которую мы днями зарегистрировали.

– «Эх, Россия»?

– Да.

– А что его интересует?

– Ну, в смысле чисто ли все.

– Чисто, Николай Иванович, вы ж сами смотрели и подпись ставили.

– Помню. Только ты мне основные документы по ней сейчас принеси, – министр взял листочек, на котором ничего не было, – тут он мне несколько вопросов продиктовал, ну, конкретное кое-что. Сам знаешь, если Бурков прицепится...

– Да упаси господь, я в момент принесу.

* * *

Конгресс прошел на пятерку!

Было много гостей, собственно, больше несколько, чем самих делегатов. Казаки достойно сидели в передних рядах – в кителях с медалями и штанах с лампасами. Эти всегда готовы, эти свои. А чужим, может быть в некоторой ажитации – больно гладко складывалось его выступление – Митя показал шиш. Только неловкость вышла – шиш надо было показать очень многим, стольким, что шиш поднялся до уровня символа, и рука с ним сама собою взметнулась вверх. Ба-

тюшкам это не очень понравилось, но не страшно, батюшки тоже свои.

Через полчаса на банкете, после нескольких здравниц, люди начали пить уже просто так, а потом кучковаться по интересам и вести разговоры. Митя вдруг почувствовал, наконец, расслабленность и что слегка опьянел... как-то и во главе стола оказался один. Кто-то, впрочем, очередной, подошел подписать его последнюю книгу, и кто-то вежливо попросил разрешения присесть рядом.

Человек показался вроде виденным где-то – немолодой, хорошего сложения, в элегантном темном костюме сюртучного ретро-покроя, с тоже темной рубашкой, прихваченной у шеи малым воротничком с пуговицей блестящей, ограненной как будто алмаз – но крупный слишком, чтобы быть настоящим.

И голос низкий, знакомый и нет, произнес вежливые слова про его выступление – хорошие, прозвучавшие неформально – искренность голосом почти невозможно изобразить.

Как и глазами.

Глаза... нет, раньше они не встречались – такие бы он запомнил – цвет непонятен, взгляд уходит в крупные вбирающие все зрачки.

Обслуга проворно поставила гостю чистый прибор, и как положено для хозяина, Митя спросил, какую водку предпо-

читает прибывший.

Тоже приятная мелочь – за фирменную водку на его банкет, не покупную, а подарочную, случилась целая борьба, в которой, его решением, победил Немирофф.

В ассортименте было несколько видов, и на вопрос о его предпочтениях гость ответил, что пьет только «чистенькую».

Митя почему-то обрадовался и сказал «правильно», хотя сам до этого употреблял с перцем.

Гость, благодарно кивнув, взял налитую рюмку и против своего чопорного и строгого вида поднес, чтобы чокнуться.

Это совсем расположило, как и рука – сильная, с длинными пальцами – вместе что-то аристократическое и мужицкое.

Рыба хорошая – семга, севрюга полукопченая, гость показал рукой, что достаточно, и не поторопился закусывать.

Непонятно откуда мелькнула мысль, что гость может быть иностранец, и тотчас человек произнес:

- Прибыл к вам ненадолго из заграницы.
- Вы из старой эмиграции, или я ошибаюсь?
- Да, можно сказать даже – из очень старой.
- И давно у нас не были?

Гость что-то в памяти взвесил.

- Порядочно уже.
- А живете сейчас?
- О, в разных странах. Приходится ездить по свету.

И опять на мысль о его занятиях тотчас ответил:

– Я специалист по древним культурам, рукописным историческим памятникам, прежде всего.

– Очень интересно. Тогда позвольте спросить о готовящемся сейчас на Западе издании...

– Евангелия от Иуды? – опередил гость.

– Как вы догадались?

– Многие сейчас интересуются, очень многие.

– Не фальшивка?

– Помилуйте, как может быть не фальшивкой нечто исходящее от каинитов – разумеется, их собственная фабрикация.

– Помню только, что это секта гностическая первых веков.

Вы их как-то совсем отрицательно охарактеризовали.

– Да и не за что похвалить – все с ног на голову переворачивали. Каин у них, видите ли, относился к разряду сверхпосвященных, Содом и Гоморра чуть ли не сосредоточие благодетели.

– А предатель Иуда зачем им понадобился?

Гость чуть подумал перед ответом.

– Не сам Иуда, нет. Просто Ему очень противились, – ударение ясно показало, о ком именно речь. – Только почему вы назвали Иуду предателем?

Странно прозвучавший вопрос озадачил.

Дмитрий взялся рукой за бутылку, чувствуя, что гость совсем не против «продолжить».

– Ну а как же его еще называть? Собственно, имя давно

нарицательное.

– Нарлицательное, – сильная рука взяла рюмку, и они снова чокнулись.

Гость выпил и опять не обратил внимания на тарелку, но заметив сожалеющий взгляд угощающего хозяина, взял вилку и скушал кусочек севрюги.

– Весьма приличного качества, – похвалил он, – астраханская, браконьерского происхождения. – И коснулся салфеткою губ. – Нарлицательное имя, вы правы. Нарлицать человечество очень хорошо научилось, а вот следить за собой – не очень.

Он поразмыслил немного, окунувшись ушедшим зрением внутрь. Совсем глубоко...

– Иуда ничего не писал. Ведь и времени у него для этого не было, – голова уверенно очень качнулась, – абсолютно не было времени.

– Вам, однако, не понравилось почему-то, что я назвал Иуду предателем, хотя слова эти вовсе не оригинальны.

Лицо собеседника отразило слегка, что ему действительно не понравилось.

– Я бы сказал, это несколько неделикатно в отношении того, кто потом наложил на себя руки.

Митя подумал, что если честно – смерть Иуды всегда выпадала для него из общего евангелического контекста, и умный собеседник, пожалуй что, правильно указал на упущенный оттенок в религиозной истории.

– Вот, – подтверждая его мысль, проговорил тот, – это, во-первых. А во-вторых, предательство, Дмитрий Игоревич, очень не простое понятие. Вам, как хорошо образованному гуманитарии, не приходила мысль рассмотреть его в категории самого языка.

– Этимологически, вы имеете в виду? Ну, пре-дать, приставка здесь, конечно, несет переходящую смысловую нагрузку. Передать нечто?

– Именно, и в других языках структура слова такая же. Хотя в некоторых предательство выражается другим нашим выраженьем – «измена». Но тоже, как видите, «из» и «мена» – выход из установленного менового процесса.

Собственно говоря, из этого небольшого разбора не следовали никакие серьезные выводы.

Но гость пояснил:

– Понятие, таким образом, появилось как простая комбинация обыденных слов, а выведенное из обыденного-земного не может выражать глубокие смыслы. Возьмите, например, для сравнения, слово «чудо», оно ни в коем случае не вторично.

В машине, отвозившей его домой в ближний московский загород, Митя почти сразу заснул, и за час с лишним вполне освежился.

Где-то у него визитная карточка этого интересного собеседника... вышло, что подвалила компания разогретых со-

всем казаков, и гость быстро откланялся, а на место его бухнулся невысокий коренасто-округлый мужик в мундире и с атрибутами непонятного войска.

Дальше, однако, помнилось, как через сонную дымку.

Мужик, побратавшийся уже с прочими атаманами, оказался головою войска американо-канадского, созданного еще до революции и укрепленного затем белым эмигрантским движением. Странное дело – Митя о такой организации раньше слыхом не слыхивал. Что еще... хамская исключительно рожа, улыбающаяся острыми зубами, которых реже во рту против нормального. Руки проворные, похожие на лапы какие-то от животного. Североамериканский этот казак первым делом налил себе водки полный фужер и опрокинул так, словно пасть его напрямую переходила в желудок, а затем проворно сложил стопочкой с почти нетронутой тарелки ушедшего гостя всю рыбу и таким же манером отправил во внутрь. Умудрился при этом сделать своего рода «Наполеон», переслаивая севрюгу и семгу.

И нес без остановки туфту какую-то.

Теперь, когда машина повернула в родной переулок, Митя вспомнил все обстоятельней.

Словечки разные со псевдофольклорным окрасом: «исполать»... то есть ему, Дмитрию, исполать неизвестно что, и «к миру на погубленье сошло черное воронье», а он, опять же, «супротивна ему надёжа», и «в уговорном стремленьи» – значит, к Дмитрию – казачество североамериканское вместе

с неграми, которые в их ряды прямо прут, они-мы выгоним супостата. Какой-то мировой масштаб получался с непонятным исходом – куда выгонять в таком случае, в космос? Затем «представитель» махнул второй фужер с водкой, понюхал тарелку и спел куплет из известной песенки «Ехали казаки по Берлину» – прочие на исполнение ответили стройным «Любо!», а Митя понял, что нужно сматываться.

Благо журналистов уже не осталось, разъехались сдавать материалы – этот живоотнообразный, начал раздавать щелчки в воздух, сопровождая: «мы этих нехристей, мы этих арабов, армяшек, грузинцев разных...», хорошо не дошло до евреев, хоть и свои кругом, а все равно кто-нибудь донесет.

По дороге к крыльцу Митя подышал свежим с хвоинкой воздухом и мокрыми осенними листьями, и с порога попросил жену:

– Маш, чаю бы крепкого.

– Уже готов. Ты знаешь, сообщение в Интернете – умер Смирнов.

– Это какой?

– Ну, тот самый, мульти-пульты миллиардер.

Какой еще?.. Выпил он сегодня немало, и Маша, конечно, права – с этим делом нужно кончать, трудность одна лишь, хотя очень серьезная – выпивка часть политики.

Жена всегда в две секунды ловила, в каком именно он состоянии, и сейчас ей понравилось, что вернувшись с большого банкета – в общем, в нормальном, портить впечатление

вопросами про Смирнова, которого – убей, он не помнит, было совсем ни к чему.

Митя прошел в гостиную, где жена уже разливала чай.

– Скажи, пожалуйста, как историк, что ты знаешь про казаков в Северной Америке? Ко мне сегодня один от них при-
был.

Чисто физиологически воспроизвелось ощущение от прощального рукопожатия с этим типом: цепкость, округлая хватка и касание острых ногтей.

– Митя, скоро казаки из Африки к тебе начнут ездить.

– Так ты не знаешь?

– А ты не знаешь, что я специалист по народникам, а не казакам? Бурков звонил.

– Что ему надо?

– Спрашивал, какие у тебя были отношения со Смирновым.

– Да никаких. Что еще спрашивал?

– Как обычно – не надоело ли тебе.

– Звучит так, словно это и твой вопрос.

– Предлагал, для начала, торгпредом в Австралию.

– Маша, как ты себе представляешь, миллионы проголо-
совавших за нас россиян, я же не могу обмануть... – решительно начал Митя, однако внутри осеклось, и не свой голос ему посоветовал: «Не зарекайся, пацан».

Дома вечером министр выпил слегка коньячку и соврал жене, что очень устал.

Он совсем не устал, даже наоборот, от взвинченных нервов в голове была ясность, но очень неприятная ясность – с памятью происходит что-то скверное, и хорошо, если это просто склероз.

Документы на новую партию «Эх, Россия» он просмотрел, узнал в акте регистрации собственную подпись и вспомнил – хотя не в деталях, но вспомнил – протокольный доклад по представленным документам одного из начальников департаментов. Все в полном порядке – численность отделений, выборочная проверка подписей на местах, счет, на который переведены уже полагающиеся на выборную компанию федеральные деньги. Кроме этой суммы – мелочь от частных сборов, то есть олигархическими деньгами там и не пахнет.

Он так и доложил Буркову, тот выслушал без интереса и сообщил вдруг, что умер Смирнов.

В России людей с такой фамилией чертова прорва, и министру не показалось странным, что пес его знает, о ком идет речь.

Однако дальше последовал неприятный вопрос о старых делах, которые в Генпрокуратуре на покойного были. И это бы ничего, хотя раздражало, что часто спрашивают по во-

просам, относящимся к прежнему месту работу. Он, ориентируясь на слово «старые», осторожно ответил, что да, есть в архивах, и чтобы чего не ляпнуть, применил надежный прием – закашлялся, объясняя простудой. На другом конце прозвучали слова про металлы, что облегчило совсем.

Да кто ж из них в первой половине девяностых не крал металлы – от лома, на который не списывались разве что космические корабли, до разных цветных.

Он подтвердил про металлы и снова обрадовался, так как с ним вежливо попрощались, с комментарием, что теперь, конечно, надо беспокоить не его, а новое руководство.

Вот правильно, они пусть и разбираются.

Однако с чем?

Тут, тут вот в голове заработал, словно, конвейер: Смирнов, девяностые, металлы... ну да, кинул еще «ельцинскую семью» – весь фонд советских редкоземельных, безумной стоимости... еще по всем данным, в сговоре с хохлами умудрился добраться до урана в аварийном Чернобыльском блоке – хохлов тоже кинул, уехал в Швейцарию, массированные атаки на фондовые и валютные биржи, тема – кто именно в мире богаче – Смирнов или Гейтс – уже навязла в зубах и у публики, и у прессы...

Вот тебе на-а, приехал!

Шут с этой партией, но забыть про Смирнова...

Министр, сидя в кресле у торшера, с неразвернутой «Российской газетой» в руках, почувствовал легкую панику. Ле-

читься, и срочно!

Но как, чтобы не донесли о симптомах?

Снимут в момент, тот же Бурков позаботится.

Ох, ёж твою двадцать!

Газета раскрылась не от желания почитать, а от нервного движения пальцев.

Единственный уже государственный источник, но вот государственный, а деньги тоже зарабатывают на рекламе.

Глаза министра поблуждали по страницам и вдруг уперлись в рамку, увитую цветками, похожими на репей.

Он прочитал: целительство традиционными методами и методами народной медицины нервно-сосудистых заболеваний... еще какие-то слова, и главное: все формы склерозирования, активная стимуляция мозгового кровообращения. В заключение стояло: полная конфиденциальность анализов и медицинской карты.

—

Иуда не в первый раз уже за собою заметил, что пересчитывает деньги в ящичке, хотя прекрасно знает, сколько их там. И еще – монеты обладают странным свойством: они выглядят безликими и противными даже, когда их мало, и наоборот – обретают достойную внешность каждая, когда в ящичке их набирается полезный избыток.

Учитель назначил его казначеем на полном доверии, и он был горд. Да, горд и наивен три года назад.

День второй: самая богатая в мире

Осень, осень золотая.

Она везде золотая на бесконечных русских просторах, а в Москве, в невероятной ее неразберихе, она приходит на три всего-то недели, приходит, чтобы сказать каждому – ну посмотри, посмотри на себя – ты прожил целый год, не заметив другого движенья, кроме своей суеты, ты опять не подвел итоги и не сделал себя лучше ни в чём, разве будут твои последние дни такими, как эти мои сейчас, глупый – зачем ты топчешь эти прекрасные листья...

Граф Нарышкин – европейски образованный человек и тонкий эстет, обладал к тому же состоянием, очень много ему позволявшим. В историю русской архитектуры, благодаря графу, вошло так называемое «нарышкинское барокко», и прекрасная отреставрированная его усадьба в дальнем Подмосковье стала уже предметом серьезных вниманий некоторых «лиц» и известных организаций. Губернатор Московской области Дронов склонялся в этом смысле к Газпрому.

Но оказия вот, день вчера прошел без стакана, а в чистой голове совсем не удержалось обещание принять неких господ по поводу вот этого самого замка-усадьбы.

В кабинет губернатора вошли двое – немолодой, высокий с сильной фигурой, и колобковый какой-то мужик, улыбающийся во все стороны.

Губернатор пригласил их сесть и сразу заметил крупную пуговицу-бриллиант на воротничке строгого господина, а мужичок, показавшийся сначала граждански одетым, оказался в кителе и синих штанах с лампасами.

Он и сам имел казацкие корни.

– Вы из казаков?

– Из самых что ни на есть, Шелеховы мы из Мелехова.

Это понравилось.

А явно старший из них, строгого вида, быстро проговорил – беспокоят по пустяку, речь идет об аренде Нарышкинского дворца-усадьбы всего дней на пять.

Губернатор хотел ответить, что на такие пустяковые сроки... к тому же сдавать для мелких дел, по сути, музей...

Но услышал:

– Полунин с Ришельевичем уже завтра переведут по пятьдесят миллионов долларов на это мероприятие. У меня, знаете ли, давние с ними кредитные отношения.

Губернатор сумел удержать челюсть.

Ох, не зря он боролся и с федералами, и с Москвой за эту усадьбу. Пять дней, и сто миллионов. Да даже, если они там изгадят чего... Шесть крупных бассейнов можно построить, или три ледовых дворца! «Ну-у, разбежался, – осадил, тут же, рассудок, – стыд забыл? Какой приличный человек сей-

час двухпалубную яхту держит?!»

* * *

Лайнер в аэропорт «Шилково» шел вне графика тем спецрейсом, для которого открывались коридоры и эшелоны, а на диспетчерском пункте звучали команды другим самолетам попридержаться на курсе или пойти на второй-третий круг.

Сажать надо было личный лайнер Смирнова!

Через несколько минут легких волнений, в диспетчерской увидели благополучно заходящую на бетонку машину, а еще через тридцать секунд раздались громкие голоса: красавец, какой красавец!

Лайнер, изготовленный фирмой «Боинг» в единственном спецэкземпляре, имел почти живое обличие – севший легким прикосновеньем, он не ехал, а скользил по дорожке – острый, чуть опущенный нос неласковой птицы, длинные с очень малым углом крылья, маленькие кабинные окна-глаза, – вид прекрасного высокомерного существа, не желающего знать о других на земле или в воздухе.

Лайнер заехал с посадочной на рулежку, его хищный нос, не взглянув на аэропорт, повернулся и снова встал в профиль.

К прибывшему «борту» со всех ног заспешили – службы в красных и синих комбинезонах деликатно встали на своей технике метрах в сорока на предмет «обслужить», быст-

рым, почти лихорадочным шагом, замаршировал военный оркестр, три девицы в надетых на пальто сарафанах и с кокошниками на головах понесли хлеб-соль, из vip-зала двинулось два десятка солидной публики, следовавшей к самолету в порядке «ранжира» – самые главные впереди, затем просто главные, сзади – помощники-челядь.

Лайнер безмолвно постоял две минуты, словно он, а не кто-то внутри, давал тем, наружи, время для приготовлений. Впрочем, время было предоставлено лишь только необходимое – от близкой, к носовой, части отвалился округлый отсек, длинный пологий трап с невысокими ступеньками выкатился и уперся в бетон, и с такой быстротой, что кто-то, наблюдавший в диспетчерской, снова воскликнул: какая, мать, техника!

Оркестр выстроился и приготовился перед развернутой уже ковровой дорожкой, девицы в кокошниках, приблизившись к трапу, сместились по чьей-то команде на два шага в сторону, VIP-лица достигли близкого к нему расстояния, председатель «Союза крупных промышленников», стоящий в центре трех самых главных, поправил очки.

Свет в округлом отверстии лайнера, он сразу заметил, был ярким и по цветовой гамме великолепным – легкий прозрачный пурпур, зеленоватые и фиалковые тени исчезали и улавливались на нем – грезы другого мира, где нужно быть не просто богатым, а очень-очень-очень богатым. На миг сердца коснулась обида – вчера с женой обсуждали покупку вил-

лы на Каймановых островах за семь миллионов – ну, можно сказать, копейки считали.

Светящееся пространство позволило сначала различить только закрывшее ее темным пятно, затем увиделся женский силуэт и рядом с ним... рядом собака.

Длинноногая женщина стала медленно спускаться, пропуская вперед большую собаку, которая осторожно ступала на приспущенном поводке – женщина в светлом брючном костюме с до бритвы тонкими стрелками, сверху в манто... шиншила что ли, он такого еще не видел, собака – ротвейлер, мощная, он снова поправил очки, мощная, но не разъезжая, мускульная вся, и морда чуть вытянутая, не пяточком, как обычно.

Женщина ступала медленно и изящно, не отводя глаз от собаки.

– Хороша, – проговорил председатель «Торговой ассоциации», старый, но все еще разбирающийся человек.

– Дама или собака?

– Нам не до юмора, Лёня.

Оставалось совсем немного ступенек, преодолев их вместе с животным, женщина сделала шаг навстречу.

Появилась, предстала... у центрального-главного на мгновение «сделалось» в голове – глаза изумрудные, тонкость при полном верхнем и нижнем наличии... мысль смутная, что виллу купить в другом месте и не с женой...

Что-то она проговорила на красивом, акцентном париж-

ском.

Черт тебе, английский – пожалуйста, французского он не знает.

Председатель «Торговой ассоциации» попробовал, было, вступиться, но дама произнесла по-немецки – сначала им, а потом собаке.

Опять конфуз – собака-то поняла...

Потом гостя подумала чуть.

– ... а-б-в-г-д... Здравствуйте, господа, теперь правильно?

Чисто очень по-русски, глаза смотрят весело и любопытно.

– Мадемуазель! Мы рады приветствовать вас на нашей российской земле.

Выпалив это, «центральный» посмотрел вверх по трапу – собака и женщина, видимо, просто сопровождение – кто-то должен выйти еще, так сказать, в качестве ответственного лица. И сразу, совершенно бесшумно, трап слизнулся вверх к борту, закрывшись металлическим овалом.

А более опытный коллега слева сделал кокошникам знак рукой.

– Госпожа, позвольте по нашей традиции приветствовать вас хлебом и солью.

Он поклонился, насколько мог, и, разгибаясь, успел шепнуть:

– Какая «мадемуазель», Лёня, ты не в Мулен Руж.

Кокошники, так перестарались в улыбке, что захотелось

сплюнуть.

Женщина отломилла маленький кусочек краюхи, макнула в соль и поднесла собаке.

– Будешь?

Та, не понюхав, отвела морду.

– Тогда я, – изумрудная красавица сунула хлеб в рот, и он исчез там без жевания и глотка.

Дирижер махнул палочкой, оркестр заиграл... нет, не марш, против всех ожиданий, а известную песенку Олега Митяева «Как хорошо, что все мы здесь сегодня собрались».

Странное дело, показавшаяся неуместной и даже – успел подумать «центральный» – похожей на хулиганскую выходку, песня «легла» на медь, обрела чуть медленную торжественность и приятную звучность, сопровождаемую низким пу-пу геликона.

Женщина и собака – самка, теперь стало видно – повернулись к оркестру и, судя по выражениям, обеим понравилось.

Сыграли один куплет.

– Имею честь, – произнесла гостя, как только замолкла музыка, – представить вам наследницу всех капиталов господина Смирнова, она повернула к собаке голову, – поздоровайся, пожалуйста, с господами.

Собака села и подняла правую лапу.

У двоих слова вызвали оцепенение, но опытный от «Торговой» смекнул сразу, подошел первым и нагнувшись рукопожал.

– Искренне признателен за эти счастливые минуты знакомства, – а отходя, снова шепнул: – Не стой, Лёня, как дуб.

– Э, позвольте приветствовать вас... – из-за высокого роста ему пришлось низко нагнуться, чтобы взять лапу – лапа была теплой и равнодушной, – надеюсь, визит вам понравится.

Третий – генеральный директор ОАО «Шилково» – уже суетился сзади.

– От всего огромного коллектива, от себя лично, от... – он сменил согнутую позу, встав на колени, и поцеловал черную шерсть.

– Трезвым когда-то бывает? – риторически спросил «опытный» у «центрального».

Собаке не очень понравилось, она повела носом в сторону «поцелованного», поставила лапу и недовольно взглянула вниз на нее.

До входа в vip-зал было очень недалеко, там ждали, и чтоб отогнать других, на двери с внутренней стороны висела бумажка «Трубу прорвало».

Гостя и собака направились первыми, за ними, разворачиваясь опять по ранжиру, двинулись остальные.

– Мило, мило, – похвалила гостя, ступив несколько шагов в vip-зал, – скатерти мне нравятся, и главное – хорошо отстираны.

«Твари, – произнес про себя генеральный аэропорта, – я

ж новые велел постелить».

И обратился к гостье с зелеными мерцающими глазами:

– Чем богаты, как говорится, тем и рады. Извольте с дороги откусать.

– А почему нет?

На левой руке женщины – сколько же это стоит – широкий платиновый браслет с огромными по нему изумрудами, каратов тут в сумме, наверное, двести.

– А вы богаты, господа, – оглядев главный – «избранный» стол, произнесла дама, – стерляжья икра. – Она обратилась к собаке, уже спущенной с поводка: – Это не иранская дребедень, и не из немецких садков – настоящая браконьерская. Тебе, милая, надо попробовать.

Генеральный аэропорта злобно прошептал метрдотелю:

– Ты за скатерти ответишь.

– Новые, у меня чеки из магазина.

– Это ты мне, – он едва подавил пытавшийся вырваться голос, – мне рассказываешь про чеки?

Самке-ротвейлер уже поднесли густо намазанный бутерброд, та, осторожно понюхав, взяла половину в рот, подержала, и отправила весь целиком.

– Кушает, – умилительно произнесло несколько голосов.

Даме наливали «Бордо».

– А, это жареные бараньи яички? Всем рекомендую, господа. В Киргизии забили целое стадо, сами-то они что едят, кроме лепешек?

Собака повела носом в сторону блюда.

– Тебе, милая, пока ни к чему – это для стимулирования людей среднего и старшего возраста. Ты лучше скушай пару раковых шеек, раки ползали еще час назад.

Кроме трех самых главных, с ловкой рядом прислугой, остальные разместились у другого стола, проще в чем-то блюдами, но не обиженного. «Опытный» знал – деликатность в употреблении будут держать только первые десять минут.

* * *

У Ришельевича кроме всякого добра был еще отдельный коттедж – не на Рублевке, и неизвестный почти никому.

Самое время приехать Рогнеде, но всегда эта дрянь опаздывает.

Коньяк на столе, он пьет совсем почуточке, потому что лишние дозы «перед этим делом» к хорошему не приводят.

И не очень внимательно смотрит на экран телевизора, где показывают аккуратный, несмотря на сибирскую глухомань, городок Забуйск и рассказывают про молодые годы родившегося там лидера новой партии «Эх, Россия».

Забулькало вдруг в животе, и потянуло на расслабление.

Ришельевич поспешил в туалет.

И скоро вышел, довольный, что очищение произошло вовремя.

Где ж черти носят Рогнедку?

Большая комната в полумраке... он сначала не понял – она приехала?

Нет, понял.

Хотя снова не понял.

За столиком, где сидел он, сидят два мужика.

Из охраны?

Не может быть – те снаружи, и без приказа появиться не смеют.

Но главное – один мужик отхлебывает из горла его коллекционный коньяк, передает другому, и тот тоже отхлебывает.

Ришельевич, застывши, простоял секунд пять...

– Присоединяйся, чувак, – дружелюбно предложил кругловатый с откровенно скотскою мордой.

– Или там постой, – предложил другой очень неласково, взглянув на него одним темным, а другим неприятно серебрящимся глазом.

Мысль заработала: бандитский наезд, охрана наружи, следовательно, перебита...

– Мы мирные люди, – опять отхлебывая, проговорил толстый-любезный.

– Но наш бронепоезд стоит на опасном пути, – добавил другой.

– Что вам угодно? – спросил Ришельевич, стараясь глядеть исключительно на любезного и держать себя хладно-

кровно.

– Россию любишь?

– Грабить он ее любит. Короче, полтинник с тебя.

Нехороший поднялся и сделал к нему два шага:

– Там счет, куда деньги переведешь.

Дальше Ришельевич обнаружил себя на полу, а сверху глядела животноеобразная рожа.

– Брат, – сердечно сказала рожа, – люби Россию в себе, а не себя в России.

День третий: хмурое утро, лед «тронулся»

Что там было потом, что там было?

Нет, он помнит.

Хотя не всё, не совсем.

Аугелла, она передала ему нотариально заверенные копии одной из самых крупных международных юридических фирм – вон, пакет на столике...

И благо – он самый главный, к черту сегодня работу.

В голове энергичный голос Высоцкого барабанит: «А где был я вчера...», и мешает сосредоточиться.

Госпожа Аугелла – опекун великой наследницы капитала, оказавшегося все-таки большим, чем у самого Гейтса.

«Только помню, что стены с обоями»...

Ой.

Челядь бегала в киоски скупать цветы, ансамбль цыганский, вызванный из рядом загородного ресторана.

Какие ноги!

В настоящих женских ногах всегда немного присутствует детство, подростковость вернее, с теплым ожиданием жизни.

Она слилась на минуту с цыганками и явилась перевязанная по бедрам пестрым платком, черные узорные чулки почти до самого верха... низа, правильнее сказать.

Лёня пляшет с цветком в зубах, и цыгане бодрят его криком «ходи, ходи!».

Челядь, племя халдейское – молодое и такое противное – вытворяет себя в экстазе.

«Развязали, но вилки попрытали...»

Нет, хамства не было – доброжелательно всё, но если взвесить – сплошное, конечно же, безобразие.

«Ходи, ходи!»... он тоже не удержался.

Что такое женщина? Ноги и прочие элементы?

Нет – женственность, прежде всего. А если эта женственность вместе с ищущими ногами и прочим... да что же жизнь вдруг поворачивается так, словно прежняя вся не была настоящей, что теперь бы ей, вот, и начаться...

Лёня петь, оказалось, может неплохо – не сильным, но складным вполне тенорком.

А потом... пьяное всё, включая прислугу, цыганки позволяют брать себя не только за талию...

«Целовался на кухне с обоими...»

Ну, привязалось!

Сам он не целовался – хотя был момент, захотелось.

И не дошел процесс, к счастью, до собаки и опекунши.

А исчезли обе, только потом кто-то сказал – ушли, сели в подъехавший черный большой лимузин.

Сцены мужских целований взасос до сих пор бьют по нервам, то есть и даже среди хороших его знакомых, оказывается...

СНЫ

Мокрая глинистая дорога с лужицами, но не размытая.

Телега.

Он сидит на широкой досочке с вожжами в руках.

Лето, наверное, – зеленые вдали опушки за травянистыми дикими не под пашней полями.

День непогожий.

Надо слезть с телеги, потому что рыжая лошадь не движется.

И не движется почему?

Его ноги в кирзовых сапогах в глине не утопают – твердо ступают, только пачкаются немного, в телеге пусто, а лошадь – сильная крупная.

Он трогает округлый, грубо шерстящий бок, подходит к морде, глаза – большие коричневые – смотрят не на него, а на уходящую в непонятную даль дорогу.

Сильная, справная... он кладет руку на большую ее скулу-щеку.

«Поедем, а, поедем».

Животное стоит и смотрит вперед, забирает слегка воздух ноздрями – оттуда, куда не движется.

Стоит.

«Поедем, почему ты не хочешь?»

Даль со всех сторон необъятная.

* * *

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.